

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Н. Ужанков

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИОГРАФИИ И ТЕКСТОЛОГИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ
XI–XIII веков

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
У 33

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16211

Ужанков А. Н.

У 33 Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI—XIII вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 440 с.

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0369-3

В книгу вошли статьи по историографии значительнейших произведений древнерусской словесности: «Слова о Законе и Благодати», «Чтения» и «Сказания» о святых Борисе и Глебе, «Жития Феодосия Печерского», «Слова о полку Игореве», «Летописца Даниила Галицкого», «Слова о погибели Русской земли», «Повести о житии Александра Невского». Ответить на вопросы о времени и месте их написания, значит приблизиться к раскрытию авторского замысла. Поэтому в статьях вопросы историографии тесно связаны с интерпретацией древнерусских творений.

Представленные здесь очерки прежде были опубликованы в различных научных журналах и коллективных сборниках, ставших практически недоступными, а многие выводы, приведенные в них, уже вошли в научный оборот. Некоторые положения вызвали научную дискуссию и потребовали нового к ним обращения и ответа оппонентам.

Книга адресована как специалистам-медиевистам, так и студентам, аспирантам и всем интересующимся проблемами древнерусской словесности.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использованы
икона «Преп. Нестор Летописец» (автор И. С. Ижакевич, начало XX в.)
и фрагмент миниатюры из Лицевого летописного свода, XVI в.*

ISBN 978-5-9551-0369-3

© А. Н. Ужанков, 2009

© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Историография «Слова о Законе и Благодати» Илариона Киевского. О времени написания и месте прочтения	11
О времени написания «Слова».....	12
О жанре «Слова»	33
О месте и времени прочтения «Слова»	42
«И пред народы исповедаю...»	61

О времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба	97
--	-----------

Еще раз к вопросу о времени канонизации святых Бориса и Глеба и историографии их житий.....	167
--	------------

«Житие Феодосия Печерского»: к вопросу о датировке.....	199
--	------------

О «внутреннем» и «внешнем» времени произведения и датировке «Слова о полку Игореве».....	215
---	------------

Можно ли алгеброй проверить гармонию? О перестановке в начале «Слова о полку Игореве» и интерпретации его авторской идеи	255
Можно ли алгеброй проверить гармонию?.....	256
В свете затмения.....	262

«Летописец Даниила Галицкого»	
1. Редакции и время создания.....	287
2. Проблема авторства первой редакции «Летописца Даниила Галицкого»	325
3. К вопросу об авторе второй редакции «Летописца Даниила Галицкого»	356

4. Жизнеописание Даниила Галицкого. (К истории биографического жанра в древнерусской литературе).....	371
5. «Летописец Даниила Галицкого» в контексте литературных произведений XII—XIII вв.....	390
5.1. Идейное и стилевое родство «Летописца» и «Слова о полку Игореве»	390
5.2. Идейное и стилевое родство «Летописца» и «Слова о гибели Русской земли»	401
Некоторые наблюдения над «Словом о гибели Русской земли». К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Повести о житии Александра Невского».....	423

ПРЕДИСЛОВИЕ

При обращении к художественным произведениям литературы XVIII—XX вв. можно без особого труда определить место каждого из них в литературном процессе. «Известен автор произведения, и мы можем рассматривать его в ряду других сочинений писателя. Каждый литературный памятник несет на себе печать своего времени: он создается в русле того или иного литературного направления, его стиль может быть рассмотрен в контексте определенного “стилевого потока”... каждый памятник связан тесными нитями с произведениями других писателей, современников или предшественников, так как автор либо подражает им, либо дерзко прокладывает новый путь. Как правило, мы достаточно хорошо осведомлены в конкретной общественной и литературной обстановке того времени, когда произведение написано, и можем легко определить, какие именно идеи и настроения питали его автора. Наконец, нам обычно известны отклики современников — рецензии, литературно-критические статьи, суждения, высказывания в письмах и мемуарах.

Иное дело — литературный памятник Древней Руси. Обычно мы располагаем лишь самыми приблизительными сведениями о времени его создания, точную дату написания нам удается установить далеко не всегда. Часто мы ничего не знаем об авторе произведения, не знаем не только имени его, но даже социальной среды или профессионального круга, к которому он принадлежал. Лучшим, а порой и единственным информатором о памятнике средневековой литературы является его текст»*.

До сих пор не прекращаются споры о времени и месте написания известнейших произведений древнерусской словесности: «Слова о Законе и Благодати», житий святых Бориса и Глеба, «Слова о полку Игореве» и многих других. Установить время и место написания — это значит приблизиться к раскрытию авторского замысла. Историографию средневекового памятника недопустимо отделять от постижения его религиозного смысла.

Атрибутика и датировка древнерусского произведения не могут быть самоцелью, но лишь шагом к его пониманию. Вот почему в

* *Творогов О. В.* Предисловие // *Д. С. Лихачев* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 3—4.

некоторых работах, вошедших в представленную книгу, вопросы историографии тесным образом связываются с интерпретацией древнерусских творений («Слова о Законе и Благодати», «Слова о полку Игореве», «Летописца Даниила Галицкого»).

Древнерусскую словесность нельзя изучать, претендуя на научную достоверность результатов, без учета специфики религиозного сознания ее авторов и в отрыве от истории Русской православной церкви, в противном случае это приведет к случайным и ошибочным выводам. Необходимо помнить, что в большинстве своем произведения были написаны по церковно-служебной потребности (жития, проповеди), какая-то часть — в назидание ее чтущим. За редким исключением это была монашеская духовная словесность, поскольку авторами ее были монахи — от простого черноризца до митрополита.

Собранные под одной обложкой очерки демонстрируют единый источниковедческий подход в изучении древнерусской книжности, который можно охарактеризовать как комплексный, когда произведение изучается со всех возможных позиций.

Рассматриваемые произведения настолько взаимосвязаны, что при датировке одного из них приходится опираться на исследование другого, поэтому в некоторых очерках присутствуют повторы доказательной базы или примеры. Они сохранены мной, чтобы не разрушать структуру исследования и систему доказательств.

Представленные здесь работы прежде были опубликованы в различных научных журналах и коллективных научных сборниках в «перестроечные» годы и стали практически недоступными, хотя многие выводы, приведенные в них, уже вошли в научный оборот (датировка «Слова о Законе и Благодати», «Чтения» и «Сказания» о святых Борисе и Глебе, «Летописца Даниила Галицкого» и др.). Практически все они переделаны специально для данной книги с учетом новых достижений в исследуемых областях.

Цитаты из древнерусских текстов приводятся в упрощенной орфографии, поскольку меня интересовала содержательная сторона произведения, а не его лингвистические особенности.

Некоторые положения, высказанные в публикуемых статьях, вызвали научную дискуссию и потребовали нового к ним обращения и ответа оппонентам. Это — радует. Наука не стоит на месте.

ИСТОРИОГРАФИЯ
«СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»
ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО

ИСТОРИОГРАФИЯ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ И МЕСТЕ ПРОЧТЕНИЯ

Отверзите умные очеса ваша и рассмотрите сами сия: 1) кто та словеса глагола? 2) где глагола? 3) в кая лета глагола? 4) чесо ради глагола? Та егда добре рассмотрите, сами свое толкование криво быти познаете.

Св. Димитрий Ростовский

Евангелия стали духовной основой всей древнерусской словесности, а евангельское изречение «В начале было Слово» удивительным образом подходит к периоду возникновения оригинальной литературы Древней Руси и началу формирования национального самосознания. Правда, «слово» в этом случае следует понимать не по-Евангельски и буквально. «Словами» назывались произведения церковно-учительной литературы и торжественного красноречия. Поводом для их написания могло послужить историческое событие, злободневная общественная проблема или постановка моральной темы.

Спустя полвека после принятия Русью христианства¹, на Страстной седмице 1038 г., в окрестностях Киева, в селе Берестово или близь него, в уединенной пещерке на Днепровских горах, было создано «Слово», которое стало известно не только в столице, но даже далеко за пределами русских земель и получило признание в христианском мире. Его охотно цитировали в конце XIII в. как древнерусский автор «Похвалы» владимирскому князю Владимиру Васильковичу, вошедшей в Галицко-Волынскую летопись, так и сербский монах Доментин в «Житии» Симеона, основателя сербского государства Стефана I Немани. И спустя еще два с половиной столетия его использовали и инок Савва в «Послании на жидов и на еретики», и неизвестный создатель «Слова похвального» великому князю Московскому Василию III (1505—1533), и т. д.

Многим лучшим обязана литература Киевской Руси «Слову о Законе и Благодати». Это историсофское сочинение оказалось непревзойденным образцом древнерусской словесности и определило многие ведущие темы русской литературы XI—XII столетий: Божественного промысла, Русской (т. е. православной) земли и ее места в мировой христианской истории, индивидуального и общего спасения, роли личности в истории и другие.

Его полное название — «О Законе Моисеомъ данеемъ, и о Благодети и Истине Иисусъ Христомъ бывшии, и како Законъ отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни, и вера въ вся языки простресе и до нашего языка рускаго, и похвала кагану нашему Володимеру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля наша».

Создано оно, как полагает большинство ученых, Иларионом — пресвитером (священником) церкви святых Апостолов в княжеском селе Берестове, располагавшемся невдалеке от древнего Киева.

О древнерусских писателях сведения скудны, даже имена многих не дошли до нас. Сами о себе они не рассказывали. Но если были известны в свое время не только творчеством, но и какой-либо деятельностью — государственной или церковной, — то их примечали летописцы.

«Бе презвутерь, именовъ Ларионъ, мужъ благъ, книжень и постникъ», — сообщает о нем «Повесть временных лет» под 1051 г. Слово «книжень» указывает на начитанность, образованность, но, увы, не означает, что он был и писателем.

Из летописи известно также, что Иларион любил уединенное размышление, для молитвы уходил к Днепру, на гору, где был «лесъ великъ». И понравилось ему место это, и «ископал» он здесь пещерку малую, двусаженную, и предавался в ней мыслям и молитвам. Наверное, в этой пещерке обдумывал он и свое творение...

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ «СЛОВА»

До сих пор единственной общепринятой в науке остается датировка «Слова о Законе и Благодати», предложенная еще в

1844 г. протоиереем А. В. Горским при первой публикации памятника². По мнению ученого, «Слово» написано между 1037 и 1050 г. В качестве нижней границы принято им сообщение «Повести временных лет» под 1037 г. о «заложении» Софии Киевской и завершении строительства Благовещенской церкви на Золотых воротах в Киеве. Верхней — смерть в 1050 г. великой княгини Ирины — жены Ярослава Мудрого, о которой в «Слове» говорится ещё как о живой.

В дальнейшем ученые практически не подвергали сомнению эти крайние границы, только стремились их сузить. Так, М. Д. Приселков заметил, что «Слово», вероятнее всего, было написано до 1043 г. — злополучного похода на Царьград сына Ярослава Мудрого — новгородского князя Владимира Ярославича, иначе оно не имело бы такого приподнятого праздничного настроения и в нем как-то бы отразилось это крупное поражение русских³.

Н. Н. Розов, публикуя в 1963 г. Синодальный список сочинений Илариона, отклонил это уточнение М. Д. Приселкова, сославшись на мир русских с греками в 1046 г., закрепленный позднее браком Всеволода Ярославича с дочерью византийского императора Константина II Мономаха (предположительно — Марией)⁴.

Главная же заслуга Н. Н. Розова в изучении «Слова» заключается в том, что он обнаружил очень важный датирующий «Слово» признак — имеющиеся в его тексте реминисценции из Пасхальной и Благовещенской служб. Даже в самом названии памятника — «О законе Моисеомъ данеємъ и о Благодети и Истине Иисусъ Христомъ бывшии» перефразированы «последние слова евангельского чтения на первый день Пасхи [Иоанн, гл. I, ст. 17] («Яко законъ Моисеомъ данъ бысть. Благодать же и истина Иисус Христомъ бысть»)⁵; в дальнейшем (л. 175б—176а) цитируются 12 и 13 стихи того же чтения. Отражения пасхального богослужения есть и на л. 182б, где говорится о том, что «во всех домех» поют тропарь Пасхи; кроме того, два раза цитируется прокимен, произносимый на вечерне в первый день Пасхи («Кто бо велий яко Богъ наш»)⁶.

Резонно полагая не случайным совпадение евангельских текстов, читаемых на Пасху и Благовещение со «Словом»,

Н. Н. Розов предположил, что «“Слово о Законе и Благодати” было произнесено Иларионом в церкви Благовещения на главных Золотых воротах на второй день после ее престольного праздника и в первый день Пасхи — 26 марта 1049 года»⁷.

Польский профессор Вацлав Грыневич, выступая 1.02.1988 г. в Ленинграде на 3-й Международной церковной научной конференции, согласился с определением «Слова» как *пасхальной* проповеди⁸.

Можно ли, однако, с полной уверенностью утверждать, что «Слово» написано именно в 1049 г.? Совпадение в этом году двух праздников — Благовещения и Пасхи — могло, конечно, дать толчок религиозно-художественному осмыслению этой темы, и даже подсказать саму тему, но только ли одно совпадение праздников явилось поводом для написания «Слова»? Если пытаться отстаивать подобную точку зрения, тогда необходимо объяснить, почему «Слово» не могло быть написанным в 1022 г., когда была кириопасха — полное совпадение 25 марта двух господских праздников? Или же в 1038 г., когда, как и в 1049 г., Благовещение было кануном Пасхи? И такие утверждения, уже после Н. Н. Розова, были сделаны соответственно Н. Н. Никитенко⁹ и Л. Боевой¹⁰. Какая же тогда дата предпочтительнее? На чем строится система доказательств исследователями?

Поводом для произнесения «Слова о Законе и Благодати» послужило, по мнению Н. Н. Розова, торжество «в честь завершения киевских оборонительных сооружений» — «важнейшее события того времени»¹¹.

То, что завершение строительства каменной стены вокруг Киева, возведение Золотых ворот и церкви Благовещения на них и, наконец, митрополичьего собора Софии Киевской — были важнейшими княжескими деяниями того времени, — это несомненно, как и то, что одно из этих событий вполне могло послужить поводом для создания «Слова». Вопрос в том и состоит: какое именно событие, и в каком году оно произошло?

По сути дела, первым по важности датирующим «Слово о Законе и Благодати» признаком для многих ученых, в том числе и для Н. Н. Розова, было упоминание в «Слове» Софии Киевской — нового кафедрального собора русской митрополии. Причем о ней в «Слове» совершенно ясно говорится как

о построенной и уже украшенной: «Иже дом Божии великыи святыи его премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ, и сребромъ, и камениемъ драгимъ, и съсуды честными. Яже церкви дивна и славна всемъ округниимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемъ полунощи земнеемъ ото вѣстока до запада»¹².

После этого сообщения о Софии следует другое — о церкви Благовещения на Золотых воротах: «Предаль люди твоа и градъ святеи, всеславнии, скорей на помощь христианомъ святеи Богородици. Еи же и церковь на великихъ вратехъ създа въ имя первааго господьскааго праздника — святааго Благовещенна» [С. 190].

По этому поводу Розов пишет: «Важно отметить, что о завершении постройки оборонительных сооружений созданием надвратной церкви Благовещения говорится в “Слове” после того, как было сказано о сооружении и украшении Софийского собора, который, по словам автора, уже был в то время известен “округниимъ странамъ”. Такая последовательность появления двух крупнейших сооружений эпохи Ярослава Мудрого подтверждается летописными данными»¹³. Далее Н. Н. Розов ссылается на известное сообщение «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку под 6545 (1037) г.: «В лето 6545. Заложил Ярослав городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ вратехъ святыя Богородица Благовещенье, посемь святааго Георгия манастирь и святыя Ирины»¹⁴.

Если довериться сообщению «Повести временных лет», допуская, что закладка Софийского собора в Киеве произошла только в 1037 г., то тогда естественным будет полагать, что завершение всех строительных работ и украшение Софийского собора не могло быть ни в 1022, ни в 1038 г., когда так же совпали Благовещение и Пасха, и только к 1049 г. все работы *могли* закончиться. Рассуждая именно таким образом, Н. Н. Розов и остановился на датировке «Слова» 1049 г.

Однако в той же статье 1037 г. «Повести временных лет» несколько дальше говорится о Софийском соборе как о законченном, причем почти теми же словами, что и в «Слове о Законе и Благодати»: «...Ярославъ же сей... любимъ бе книгамъ,

и многы написавъ положи в святей Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю златомъ и сребромъ и сосуды церковными, в ней же обычныя песни Богу въздають в годы обычныя»¹⁵. Так что из этой статьи «Повести временных лет» не совсем понятно, был ли Софийский собор в 1037 г. только заложен или уже построен.

Между тем Первая Новгородская, Никоновская, Тверская, Львовская и др. летописи сообщают о начале строительства «города Ярослава» и, соответственно, закладке Софии Киевской под 1017 г.¹⁶ «В лето 6525... Того же лета заложи Ярославъ градъ Киевъ, ...и Златаа врата постави, и церковь святыа Софии заложи...»¹⁷. А Новгородская IV летопись сообщает не только о закладке Софии Киевской в 1017 г., но и о «свершении» и даже освящении Софии в 1037 г.: «В лето 6525. Заложи Ярославъ градъ великий Киевъ, и Златаа Врата постави, и церковь святыа Софья заложи». «В лето 6545. Свершень бысть градъ Киевъ, оу негоже соуть врата Златая. В то же лето священа бысть святаа Софиа в Киеве. Ярославъ митрополию оустави и 2 церкви постави, Благовещение на Златыхъ вратехъ и святаго Георгия, и ины многи церкви постави, и монастыри устрои»¹⁸.

Сходное известие помещено и в Софийскую I летопись старшего извода: «В лето 6545. Свершень быс(ть) градъ Киевъ, и ц(е)рк(о)вь С(вя)тая София свершенна, а у града суть врата Златы. Того же лета велики князь Ярославъ митрополию устави и две ц(е)ркви постави на Златых вратехъ Бл(а)г(о)в(е)щ(е)ние и С(вя)т(о)го Георгия. И ины многы ц(е)ркви постави, и монастыри устрои»¹⁹.

До конца XX столетия так и не сложилось единого мнения на сей счет, и обе точки зрения были приблизительно равно аргументированы.

К 1017 г. основание Софии относили Е. А. Болховитинов, Д. В. Айналов, Н. Н. Брунов, Н. Н. Воронин, Н. Н. Ильин, в настоящее время — С. А. Высоцкий и П. П. Толочко. К 1037 г. — П. Г. Лебединцев, М. А. Максимович, Н. И. Петров, Ю. С. Асеев, М. К. Каргер, А. Поппе²⁰.

Только в работах последних лет (особо следует отметить усилия С. А. Высоцкого и П. П. Толочко) аргументировано до-

казано, что Софийский собор в Киеве был заложен в конце второго десятилетия XI века, и уже к середине тридцатых годов строительство его было завершено.

Самостоятельные друг от друга исследования статей под 1036 и 1037 г. «Повести временных лет», проделанные П. П. Толочко²¹ и С. А. Высоцким²², с привлечением других летописных и письменных источников, привело исследователей к одному и тому же выводу: каменный Софийский собор был заложен Ярославом Мудрым вскоре после киевского пожара 1017 г. и закончен к 1037 г.

Этот вывод подтверждают и два неоспоримых доказательства.

Во-первых, открытые С. А. Высоцким граффито на стенах собора, относящиеся к 30-м годам. Это — недатированная надпись о рождении Всеволода, т. е. сына Ярослава Мудрого в 1030 г.²³ и греческая надпись, содержащая дату 6540 (1032) г.²⁴

Во-вторых, не привлекавшийся до сих пор для датировки Софии Киевской письменный источник, относящийся, скорее всего, к 1039 г. В «Повести временных лет» и ряде других летописей (Новг. IV Л, Соф. I Л) под 1039 г. имеется следующее сообщение: «В лето 6547. Священа бысть церкви святыя Богородицы²⁵, юже созда Володимерь, отец Ярославль, митрополитомъ Феопемптомъ»²⁶. По счастливой случайности, до нас дошло «Слово на обновление Десятинной церкви», в котором упоминается в благодарственных словах св. Клименту Римскому и «великая митрополия», т. е. Софийский собор, «... присный заступниче стране Рустей, и венче преукрашенный славному и честному граду нашему и **велицей митрополии** же мати градомъ»²⁷.

Построенный по образу Софии Константинопольской — главного патриаршего храма, Софийский собор в Киеве изначально воспринимался как *митрополичий* собор. На это указывает «Повесть временных лет» под 1037 г.: «В лето 6545. Заложы Ярославь городъ великий, ⟨...⟩ заложы же и церковь святыя Софья, *митрополю*...». О том свидетельствует и Софийская первая летопись старшего извода под 6542 (1034) г.: «И сташа предъ градомъ, и печенези почаша приступати, и ступишася на месте, идеже есть н(ы)не С(вя)тая *София митрополия руская*, бе бо тогда половина града»²⁸.

Поэтому трудно согласиться с А. Ю. Карповым, который предположил, что выражение «велицей митрополии» в «Слове на обновление...» относится не к Софийскому собору, а к самому Киеву — древнерусской столице, поскольку представляет собой кальку с греческого «мать городов» (греч. *μητρόπολις* — мать городов, метрополия, столица)²⁹. Если принять предлагаемое А. Ю. Карповым чтение, то в переводе получится тавтология: «и честному городу нашему и великой метрополии (матери городов), которая есть мать городам», при этом совершенно нивелируется религиозное значение Киевской митрополии.

Следует напомнить, что в 1039 г. существовали еще две митрополии — черниговская и переяславльская, — и священнику, произносившему торжественное слово после освящения Десятинной церкви, по-видимому, важно было подчеркнуть значение именно Киева как православного центра Древней Руси. Именно этому способствовало и сооружение Ярославом Владимировичем Софии Киевской — главного кафедрального собора Руси.

Кроме того, в тексте «Слова на обновление» совершенно четко разделяется сочинительным союзом *и* «градъ нашъ» и «великая митрополия», что свидетельствует о двух разных понятиях, выраженных разными словами.

На такое понимание сути дела указывает и сообщение, что в 1037 г. великий князь Ярослав после сооружения Софии «*митрополию оустави* и 2 церкви постави, Благовещение на Златыхъ вратехъ и святаго Георгия, и ины многи церкви постави, и монастыри оустрои. При семь бо поча вера крестьяньскаа рашширятися и плодится по всеи Русеи земли»³⁰, которое содержится и в Новгородской IV летописи, и в Софийской I летописи. Совершенно очевидно, что в данном случае летописец сообщает об устройении церковной митрополии, а не просто светской столицы.

Для сравнения следует напомнить, что монастырь Рождества Богородицы во Владимире в середине XIII в. назывался «архимандритьсей великой», поскольку до середины XVI в. он считался первым монастырем на Руси³¹, к тому же в нем в 50—70-е годы XIII в. пребывал митрополит Кирилл.

Думается, сказанного пока вполне достаточно, чтобы принять к рассмотрению версию о завершении строительства Софийского собора в 1037 г.

Речь идет именно о завершении строительства собора и украшении внутри его «всякою красотою... — златомъ, и сребромъ, и каменiemъ драгимъ, и съсуды честными», но не об окончании внутренней отделки храма фресками и мозаикой. Обращает на себя внимание тот факт, что ни «Слово о Законе и Благодати», ни «Повесть временных лет» не говорят о них, т. е. мозаике и фресках. Эта работа, по-видимому, растянулась на годы³². Если бы внутренние отделочные работы были завершены тогда же, то об этом, несомненно, сообщили бы и письменные источники, как это было в случае с собором в честь святых Бориса и Глеба: «Христолюбивый же князь украси церковь 5 верхъ и всякими красотами, иконами и *иными письмены*»³³. Кстати сказать, Вышгородский храм в честь св. Бориса и Глеба, судя по повествованию «Чтения о Борисе и Глебе» и «Сказания о Борисе и Глебе», возводился в начале 20-х годов, т. е. тогда же, когда строилась и София Киевская.

Это напоминовение необходимо тем исследователям, которые полагали и полагают, что Ярослав Мудрый занялся строительными работами в Киеве только после 1036 г., став по смерти своего главного соперника — Мстислава Черниговского — единодержавным правителем. Интересно отметить, что Мстислав Черниговский в 30-х годах интенсивно строил Спасо-Преображенский собор в Чернигове — главный городской храм, правда, не успел его закончить ко времени своей кончины в 1036 г., но его тело все же было положено в недостроенном соборе³⁴. Надо полагать, Ярослав Мудрый, возводя Софию Киевскую — самое грандиозное сооружение того времени, не намерен был уступать своему сопернику³⁵. Хотя, конечно же, не соперничеством было вызвано возведение Софии Киевской. Не исключено, что оба храма строились византийскими мастерами³⁶.

Обычно первое освящение храма осуществлялось по завершению строительства, чтобы в нем уже можно было проводить богослужение. Второе — после окончательной отделки и ро-

списи³⁷. Могли освящать и один раз — по завершению отделочных и живописных работ.

Тот факт, что мы не знаем точного года освящения Софии Киевской, но имеем дату — 4 ноября, косвенно свидетельствует, что храм освящался дважды, как и София Новгородская и Десятинная церковь (правда, последняя после достройки галерей). Требуется минимум 2 года для просушки стеной штукатурки, на которую наносились фрески. Сам процесс росписи был весьма длителен, поэтому и не удивительно, что имеется сообщение о присутствии византийских живописцев в Киеве в 40-е годы³⁸. Дополнительные аргументы о завершении Софии в 1037 г. будут еще представлены ниже³⁹, а сейчас вернемся к датировке «Слова о Законе и Благодати».

Если София Киевская, церковь Благовещения на Золотых воротах, стена вокруг города были завершены в 1037 г., тогда нет никаких оснований относить торжества по случаю окончания строительства к 1049 г., а стало быть, и датировать «Слово о Законе и Благодати» этим годом.

Ближайшим к 1037 г., когда Благовещение предшествовало, как и в 1049 г., Пасхе и приходилось на Великую Субботу, был 1038 г. В свое время Н. Н. Розов исключил его из рассмотрения по двум причинам: поскольку, по его мнению, «в это время еще не была построена и украшена София и не было еще монастырей «на горах» в Киеве, о которых говорится в «Слове о Законе и Благодати»⁴⁰. Речь шла, на его взгляд, о монастырях св. Георгия и св. Ирины, построенных Ярославом Мудрым.

Но теперь нельзя не учитывать то обстоятельство, что София Киевская могла быть построена и в 1037 г., и факт возведения этого митрополичьего храма не может служить причиной поздней датировки «Слова».

Рассмотрим второй аргумент Н. Н. Розова.

Из самого «Слова» отнюдь не ясно, о каких монастырях в нем идет речь. Если настаивать, что святых Георгия и Ирины, выстроенных Ярославом в честь небесных покровителей его и жены, то «Слово» нельзя тогда датировать даже 1049 г., поскольку доподлинно известно, что монастырская церковь св. Георгия была освящена митрополитом Иларионом (автором исследуемого «Слова») только 26 ноября 1051 г., о чем свидетель-

ствует Проложное сказание «Об освящении церкви Георгия перед воротами св. Софии»⁴¹.

Скорее всего, речь в «Слове» шла о тех же монастырях на Киевских горах, о которых упоминает Нестор в «Сказании, что ради прозвася Печерський манастырь»: «Антоний же прииде въ градъ Киевъ, мысляше, где пребыти. И *походи по манастырем* и не възлюби ни въ едином же где бы жителъствовати: Богу не волящу. И нача ходити по дебрем, и по горам и по всем местом, и на Берестово прииде и обреть печеру, и вселися въ ню, ю же беша ископали варязи, и в ней пребысть въ велицем въздръжании. По сих же преставльшуся великому князю Владимиру...» и т. д.⁴². Аналогичное сообщение есть и в статье «Повести временных лет» под 6559 (1051) г.: «Антоний же приде Киеву, и мысляше, кде бы жити; и *ходи по манастыремъ*, и не възлюби, Богу не хотящу. И поча ходити по дебремъ, и по горамъ, ища кде бы ему Богъ показаль»⁴³. То есть еще во времена Владимира Святославича в окрестностях Киева был уже не один монастырь, а «Слово» не уточняет, что монастыри «на горах» основаны Ярославом Мудрым.

Стало быть, оба довода, выдвинутые Н. Н. Розовым против датировки «Слова» 1038 г., не могут быть признаны убедительными.

Но можно ли «Слово» датировать 1038 г. только на основе соседства двух праздников, ведь основное событие — окончание грандиозного строительства так называемого «города Ярослава» произошло, по свидетельству «Повести временных лет», в 1037 г.?!

Несомненно, эта дата требует самого тщательного изучения, впрочем, как и вся статья «Повести временных лет» под 1037 г. Она представляет собой похвалу Ярославу Мудрому за его созидательную деятельность, любовь к церкви, распространение христианства и строительство Софийского собора — новой митрополичьей кафедры, уважительное отношение к книгам, учреждение школ, основание при соборе библиотеки и т. д.

Обычно такая характеристика деятельности князя помещалась в летопись под годом его смерти, как бы подводя итог его земного пути. На этом основании многие исследователи полагали, что расположена она в «Повести временных лет» не на сво-